«МЕРТВЫЙ ДОМ ДОСТОЕВСКОГО»

На выставке, открывшейся недавно в литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского и представленной Омским государственным литературным музеем им. Ф.М. Достоевского, вы можете познакомиться с оригинальной графикой художников России к «Запискам из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского, экслибрисами (книжными знаками) обложки книг Е. Смирнова с портретом Ф.М. Достоевского; увидеть первое в мире миниатюрное издание Достоевского (к 175-летию со дня рождения писателя, 1996 г.) - работу художника-миниатюриста Коненко А.И.; «Записки из Мертвого дома» в 3-х томах: на русском, английском языках и с иллюстрированным приложением, а также копии документов, связанных с пребыванием Достоевского в Омске; фотографии современного вида острога (оставшиеся постройки); открытки начала 20-го века с видами старого Омска и фотографии из фондов НЛММ Ф.М. Достоевского.

Когда-то дом комендантов Омской крепости имел п-образную форму. Хозяйственные постройки замыкали прямоугольник, и дом, возвышавшийся над самым берегом Иртыша, напоминал укрепление. Время внесло свои поправки. Омск уже давным-давно не крепость. От первых каменных строений почти ничего не осталось. В бывший дом комендантов ежегодно приходят тысячи людей. Теперь здесь литературный музей, названный именем человека, который когда-то был гостем последнего коменданта Омской крепости. А «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского - важнейший источник сведений о пребывании писателя в Омске, ведь это произведение написано под неизгладимым впечатлением от каторги.

Преследуя цель полного разобщения петрашевцев, царское правительство ссылало их, в отличие от декабристов, не в одну, а в разные арестантские роты, тюрьмы и крепости, и жить им предстояло среди преступников. Достоевский был отправлен в острог в Омскую крепость. Сюда он прибыл 23-го января 1850-го года и был зачислен на каторжную работу 2-го разряда.

«Представьте себе большой двор, шагов в двести длины и шагов в полтораста ширины, весь обнесенный кругом, в виде неправильного шестиугольника, высоким тыном, то есть забором из высоких столбов (паль), врытых стойком в землю, крепко прислоненных друг к другу ребрами, скрепленных поперечными планками и сверху заостренных. В одной из сторон ограды вделаны крепкие ворота, всегда запертые, всегда день и ночь охраняемые часовыми; их отпирали по требованию, для выпуска на работу. За этими воротами был светлый, вольный мир, жили люди, как и все. Но по сю сторону ограды о том мире представляли себе как о какой-то не-

сбыточной сказке. Тут был свой особый мир, ни на что более не похожий, тут были свои, особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи, и заживо Мертвый дом, жизнь - как нигде, и люди особенные.

Вот этот-то уголок я и принимаюсь описывать...»

По выходе из острога в письмах к брату Михаилу Достоевский писал: «Вообще время для меня не потеряно. Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его... Сколько я вынес из каторги типов, характеров!.. Сколько историй бродяг, разбойников и вообще черного, горемычного быта. На целые томы достанет. Что за чудный народ...»

Первая из дошедших до нас записных книжек писателя относится к периоду каторги, солдатчины, поселения. Это так называемая «Сибирская тетрадь». Она была для Достоевского своеобразным конспектом, где за отдельными фразами, записями скрывались жизненные ситуации, рассказы каторжников, характеры, которые впоследствии всплывали в памяти и воплощались в героев его произведения.

Достоевский понимал, что рискует: после 10-летнего молчания в литературе он предлагал книгу о тяжелом личном опыте. Она не должна была стать ни жалобой, ни обличением острогов. Новая книга писателю удалась.

«Записки из Мертвого дома» были приняты читателями и критикой восторженно. Репутация «Мертвого дома» как великого художественного произведения была утверждена авторитетом Толстого, который много раз в своей жизни читал и перечитывал эту книгу, был просто влюблен в нее и говорил о ней всегда с таким волнением, как ни об одном из произведений Достоевского. «На днях нездоровалось, - писал он в письме к Страхову, - я читал «Мертвый дом». Я много забыл, перечитал и не знаю лучше книги изо всей новой литературы, включая Пушкина».

Сенсация эта была вполне понятна. О каторге ходили до того времени лишь темные слухи. Разоблачение Достоевским ужасов, испытанных на себе, и недавнее возвращение автора из Сибири приковывали внимание к книге. После выхода «Записок» в 1861-62 гг. многие журналы подняли вопросы о госпиталях для каторжных и о средствах исправления преступников на каторге. Журнал «Русский мир» опубликовал статью «На каком основании надевают кандалы на лиц привилегированных сословий?», где сообщалось, что заковывание в кандалы лиц привилегированных сословий является нарушением закона. Известный юрист П.Муллов в своих статьях на основании «Записок» писал о развращающем влиянии каторги, требовал допустить там свободный труд и рекомендовал изменить систему заключения. Появляются статьи, требующие радикальных реформ в устройстве каторжных тюрем.

Тем самым и «Записки», и отклики на книгу сыграли положительную роль в подготовке тюремной и судебной реформ 1864-го года.

Свою бессмертную книгу о каторге, которая и до сегодняшнего дня является одной из самых загадочных книг в русской литературе, сам автор называл «Заметками о погибшем народе». Историю своего четырехлетнего заточения писатель завершил знаменитым раздумьем: «Ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват?.. То-то, кто виноват».

Наталья Караваева